

УЧИТЕЛЬ — ЭТО СТИЛЬ

Евгений Ямбург,
директор Центра
образования
№ 109,
член-корреспон-
дент РАО,
доктор
педагогических
наук

Когда речь заходит об облике учителя, на память немедленно приходит чеховская фраза о том, что в человеке (читай — учителе) всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. От себя хочу добавить: и зарплата, ибо нищий, обносившийся учитель — позор страны. Не так давно, перелистывая прессу, я обратил внимание на поразившую меня корреспонденцию. В ней речь шла о потребительской корзине породистой кошки, перечислялись необходимые расходы на то, чтобы обеспечить милому домашнему животному достойное существование (чтобы резвость сохранялась и шерсть блестела). Так вот, оказывается, сумма этих расходов равняется заработной плате молодого специалиста, приходящего сегодня в школу после института. Я с грустью подумал о том, что, конечно, благородно сердце отдавать детям. Но что прикажете делать с органами, например, пищеварения девушке, вступающей сегодня на педагогическую стезю? Хорошо, если сможет удачно выйти замуж и её муж «новый русский» или, на худой конец, старый еврей, поддержит материально молодое творческое горение. А как иначе, если в современном мире учитель, для того чтобы не вызывать к себе жалость, а, напротив, внушать уважение своих воспитанников, обязан одеваться со вкусом. От него, извините за бытовые подробности, должно пахнуть хорошим парфюмом. Безупречный внешний вид — первый шаг к завоеванию авторитета. Встречают-то ведь по одежке.

Отдавая себе полный отчёт в деликатности темы, тесно связанной с материальным достатком учителя, тем не менее рискую её продолжить. Далеко не всё в стиле одежды и манере поведения человека, и в частности учителя, определяется объёмом кошелька. Как свидетельствуют современники, Анна Андреевна Ахматова, оказавшись в отчаянном материальном положении, принимала дома гостей в халате, но и в нём выглядела королевой.

Мне чрезвычайно повезло начинать свою педагогическую деятельность среди людей, которые, помимо глубины знаний, неизменно демонстрировали безупречное чувство вкуса. Со временем я понял, что внутренняя глубина, уровень культуры опосредованно связаны с внешним обликом.

Маститый, уже тогда убелённый сединами математик Марк Григорьевич Баскин. Всегда в отличном отутюженном костюме, с тщательно подобранным в тон сорочке галстуком, начищенными до блеска штиблетами, он и сейчас, на восьмом десятке, смотрится франтом. Одно его появление в классе заставляло подтягиваться самых нерадивых парней, а девушки блаженно млели, вдыхая аромат его одеколона. При этом свободно льющаяся речь, лёгкое безобидное подтрунивание над нами, способность мгновенно откликаться на шутку — всё это порождало ореол обожания, которым он искусно пользовался, легко увлекая учеников обоюбого пола своим сложным предметом.

С Львом Иосифовичем Соболевым мы попали на ниву образования почти одновременно. Его первое появление в школе вызвало фурор. Светло-коричневый замшевый пиджак (безумная по тем временам редкость!), остроносые, по последней западной моде мокасины, яркий оранжевый, как в известном шлягере, галстук. Одним словом — стилиага. Но при этом — феноменальная память, огромная эрудиция (в то время он был аспирантом МГУ), знание наизусть бесчисленного количества стихов. Молодой преподаватель литературы иллюстрировал всем своим обликом известную пушкинскую мысль: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Конечно же, он выпадал тогда из традиционных представлений о внешнем виде учителя.

По тогдашним понятиям, учительница должна была выглядеть скромно (белая блузка, чёрная юбка), в её внешнем облике не могло быть и намёка на сексуальность. Брюки на учительнице предвещали скандал. Однажды в учительской я оказался свидетелем забавной сцены. Пожилой мужчина, выполняя указание свыше, подошёл к молодой учительнице и, потупив от смущения глаза, произнёс: «Ну, хотя бы ради меня, снимите штаны...».

В свою очередь преподаватель-мужчина должен был (по тогдашним требованиям делового этикета) облачаться преимущественно в серо-чёрные тона и носить очки в железной оправе с мощными линзами (результат ночного бдения над ученическими тетрадками). У нашего нового учителя на носу красовались очки в роговой оправе, вдобавок с ниспадающей от ушей до воротника серебряной цепочкой.

Появление модного филолога в школе можно было рассматривать как своего рода педагогическую революцию, прорыв к свободе, он и привнёс в школу долгожданное свободомыслие — как в форме предъявления своей персоны, так и содержанием и методами преподавания. Именно с его появлением в школе на уроках зазвучали стихи Ахматовой и Пастернака, проза Булгакова и Платонова. С годами он менялся, что проявлялось и во внешнем облике (не до седых же волос носить оранжевый галстук!). Былая франтоватость исчезла, уступив место элегантно-вальжности уверенного в себе мастера. Выработался свой индивидуальный фирменный стиль: рубашка с открытым воротом, жилетка с множеством накладных карманов, седая шевелюра, прикрывающая уши. По внешнему облику он скорее напоминает сегодня театрального режиссёра, каковым и является, совмещая блистательное преподавание литературы с художественным руководством школьным театром. Его знаковая жилетка —

всё равно что косоворотка Горького, блуза Маяковского или шляпа Михаила Боярского. Забавно, что, побывав у него на лекции, один из наших молодых учителей на следующий день пришёл в школу в таком же «опро́шенном» виде. Увидев это чудесное «преображение», я съязвил: «Ты сначала стань мэтром, а уж потом позволяй себе вольности в одежде». В литературном кафе на юбилее Л.И. Соболева собрались сотни его выпускников. Среди них — известные филологи, литературные критики, редакторы журналов. Юбилей проходил в форме презентации новой книги. Солидный том, в котором опубликованы их труды, предваряет портрет учителя. Сборник посвящён ему. С ответным словом к собравшимся выпускникам обратился мастер. Та же жилетка, те же очки с серебряной цепочкой. Но это — об облике учителя-мужчины.

«Дамский вопрос» в школе имеет свою специфику, особенно когда директор мужчина. Женщины крайне обострённо относятся к своему внешнему виду и особенно болезненно к его оценке со стороны окружающих. Однажды я сознательно допустил вопиющую бестактность. Шёл очередной педсовет. Окинув взором собравшихся учительниц, я процедил сквозь зубы ледяным тоном: «У вас такой вид, что хочется выдать вам по три рубля на причёску». После этого некоторые учительницы не разговаривали со мной месяца три. Но с тех давних пор традиция следить за собой укоренилась в нашей школе. Будучи внуком, сыном, мужем и отцом учительниц, я, как никто другой, понимаю, каких невероятных усилий стоит им сохранять форму в нашей профессии; что значит рано утром накормить мужа, отвести (или отвезти в переполненном транспорте) сонного ребёнка в детский сад, а после всего этого войти в класс, демонстрируя ухоженность и прекрасное настроение. Всю школу облетел комичный случай, иллюстрирующий крайнюю задёрганность женщин-педагогов. Молодая учительница, выполнившая с утра все семейные обязанности,

за десять минут до начала уроков влетает в раздевалку, снимает пальто и... вызывает гомерический хохот своих коллег: на ней роскошная блузка и... колготки — в утренней спешке она забыла надеть юбку. Тем не менее убеждён: никакие малые и большие проблемы нашей личной жизни, нашего быта не снимают с учителя почётную обязанность выглядеть прилично. «При тяжёлых ударах и когда тебе грустно, казаться улыбчивым и простым — самое лучшее в мире искусство», — считал Сергей Есенин. «Связь облика и сути человека нерасторжима, форма содержательна» — утверждал философ. Дворянки, выпускницы Смольного института, даже на поселении в ссылке не позволяли себе опускаться, поражая деревенских жителей горделивой осанкой, всегда безукоризненно отглаженными блузками. Женщина, наделённая от природы безупречным вкусом, подбирая гардероб в магазине, порой произносит: «Хорошая вещь, но не моя». За этой фразой чаще всего стоит не запредельная стоимость туалета, но трезвый, объективный учёт особенностей своей фигуры, лица, возраста, назначения вещи (Куда я смогу это надеть?) и многое другое, что определяет культуру и воспитанность человека.

Наивно думать, что природный вкус свойствен каждому. Чаще всего вкус обретается постепенно, годами чтения, «смотрения», наблюдений за окружающими людьми, вызывающими желание подражать им во всём, включая манеру одеваться. Этим обстоятельством и диктуются мои, может быть, слишком завышенные требования к облику учителя, на которого ежедневно смотрят сотни подростков. Но нельзя ждать годами, пока вульгарно одевающаяся молодая учительница приобретёт необходимый для школы шарм. Несколько лет назад для молодой педагогической поросли мы пригласили в школу визажиста, который на многое открыл глаза начинающим педагогам. Выяснилось, например, что облик каждого из них соответствует опре-

делённому времени года — весне, лету, осени, зиме. Отсюда цветовая гамма одежды для женщины-зимы будет одной, а для женщины-осени — совершенно другой. Каждый участник семинара получил свою индивидуальную палитру: специальный подбор оттенков цветов, которые ему к лицу. Визажиста пригласили в первую очередь для молодёжи, но постепенно на занятиях стали появляться и более зрелые учительницы, семинар не обошли стороной даже некоторые мужчины. Картину дополнило открытие школьной парикмахерской, которая, наряду с учебными функциями обучения подростков парикмахерскому делу, выполняет своё обычное предназначение. Там любой педагог в удобное для него время, не выходя из школы, может привести себя в порядок у опытного мастера. Накануне школьных праздников парикмахерская работает до поздней ночи, без ограничения времени.

Очевидно, что внешний вид учителя — эффективный инструмент влияния на детей и юношество. Но одного личного примера педагога, для того чтобы привить молодым людям вкус в одежде, сегодня недостаточно. У молодёжной субкультуры свои каноны красоты. Джинсы на бёдрах, короткая майка, между ними открытый живот, украшенный пирсингом. Такова сегодня молодёжная мода. Я не ханжа и спокойно отношусь к этой достаточно откровенной манере одеваться. Когда же ещё оголяться, если не в молодости, пока ещё есть что показать? Но одно дело, когда человек отправился на дискотеку или в ночной клуб, и совсем другая ситуация, если он пришёл в учреждение, в офис. Это приходится настойчиво разъяснять не только подросткам, но даже устраиваемым на работу молодым учителям. Ссылки на западные вольности, на то, что так сегодня одеваются молодые люди в европейских странах, не убедительны. Уважаемые солидные фирмы там требуют

от своих сотрудников строгого стиля в одежде — офисного вида; и только в один из дней перед week-end'ом допускается демократизм в одежде. В весьма пикантном виде пришла устраиваться на работу девушка, учитель нашей начальной школы. Я демонстративно невежливо уставился на её обнажённый живот, рискуя вызвать у девушки недобрые подозрения, а затем перевёл глаза на заместителя. «Всё поняла, — с улыбкой отреагировала она на эту фривольную сцену, — пошли работать». И, обняв молодого специалиста за плечи, повела её в свой кабинет.

Проблема в том, что весь стиль и образ современной жизни «работают» на понижение и упрощение. Практически не осталось мест, куда человек может прийти при полном параде. В оперу и на театральную премьеру, на вечеринку с друзьями и на встречу Нового года люди одеваются просто: свитер, куртка, джинсы. Однажды, придя в ресторан, где мы с солидными друзьями собирались встречать Новый год, я облачился в смокинг. За соседним столиком меня приняли то ли за официанта, то ли за метрдотеля, обратившись с какой-то претензией по поводу обслуживания посетителей. Куда же сегодня девушка и взрослая женщина могут надеть туфли на высоких каблуках и длинное вечернее платье? Исключение составляют приёмы в посольствах, закрытые для посторонних эксклюзивные презентации, гламурные вечеринки так называемой «великосветской элиты», торжественные церемонии вручения престижных премий. Уважающая себя школа также имеет свои торжественные церемонии, к числу которых в первую очередь относится выпускной вечер. На таком празднике прелестное юное создание, впервые в жизни вставшее на высокие каблуки (до сих пор щеголяла в кроссов-

ках), покачиваясь, с трудом сходит со сцены после получения аттестата, неумело придерживая шлейф вечернего платья. Как-то неубедительно выглядят и юноши в пиджаках, чьё дыхание затруднено непривычным завязанным (навязанным) галстуком. Обвинять молодых людей нельзя: у них нет необходимого опыта участия в праздничных церемониях. Как одеваться и как держать себя в подобных торжественных обстоятельствах — такому поведению ведь тоже надо учить, и не только на словах. В этом смысле нам повезло. Однажды мой добрый знакомый, директор Дома кино Юлий Гусман обратился ко мне с необычной просьбой. Готовилась очередная торжественная церемония вручения высшей кинематографической награды — «Ники». Попасть на эту интересную церемонию со стороны практически невозможно. Зал Дома кино, как правило, переполнен до отказа культовыми персонами: деятелями кино, политиками, бизнесменами. Во время церемонии ведётся телевизионная трансляция. В нейто и заключалась проблема. Дело в том, что, получив премию и заветную статуэтку богини победы «Ники», эмоциональные актёры с друзьями немедленно отправлялись отмечать свою победу в ресторан. Из-за этого в зале образовывались свободные места, зияющие пустые кресла, портившие телевизионную картинку. Через некоторое время, отметив успех, восходящие «звёзды» экрана, конечно, возвращались на церемонию, на смену им уходили другие номинанты. Словом, надо было периодически «заполнять бреши» в зрительном зале, и тогда весёлый и находчивый Ю. Гусман придумал так называемую «службу свободных мест». Её «творческая» задача заключалась в том, что одетые как актёры молодые люди должны были легко и непринуждённо занимать высвобождающиеся места в зале, вполголоса объясняя изумлённым соседям по ряду, кто они такие: служба свободных мест. А затем так же элегантно, с улыбкой, уступать

свои места не менее удивлённым «звёздам», возвращающимся в зал. Я не иронизировал, когда назвал эту скромную задачу творческой. Во-первых, смокинг с «бабочкой», как и длинное вечернее платье, надо научиться носить. Лёгкость и непринуждённость даже при проведении такой нехитрой операции, как посадка на свободное кресло, тоже надо репетировать, дабы, упаси господи, не идти вдоль ряда спиной к сидящим зрителям, не «плюхаться» с сознанием выполненного служебного долга в мягкое кресло, вытягивая ноги на всю их длину. Актёров специально учат манерам поведения, а старшеклассникам предстояло в сжатые сроки овладеть этими премудростями, чтобы органично вписаться в светское сообщество, где им придётся находиться. Да, в некоторых школах сегодня преподаётся этикет, но где и кем в обыденной жизни строго соблюдаются его правила? Повсеместно наблюдаемая небрежность в одежде и опрошение в отношениях между взрослыми, доходящее порой до хамства, обесценивают попытки школы привить молодым правила хорошего тона. А здесь представился счастливый случай не только в теории, но и на практике ощутить вкус другого поведения, других манер.

Долго уговаривать старшеклассников не пришлось. Ещё бы: попасть на такое престижное мероприятие и почётно, и интересно! Кто-то приобрёл смокинг (пригодится на выпускном вечере), кто-то взял его напрокат. Девушки, разумеется, не стали пользоваться услугами проката, и благодаря Дому кино задолго до выпускного вечера освоили искусство движения в вечерних туалетах. Таким образом,

одновременно оказались выполнены две задачи — внешняя (Дома кино) и внутренняя педагогическая: облагораживания юношества. Ещё года два мы активно сотрудничали на таких церемониях с Домом кино. И этого вполне хватило для того, чтобы смокинг и «бабочка» вошли в стилистику торжественных школьных церемоний. В пригласительных билетах на празднование юбилеев школы мы, как и пришло солидному учреждению, заранее предупреждаем о форме одежды: вечерние платья и смокинги обязательны.

Не слишком ли это претенциозно? Не обременительно ли для учителя? Допустим, у старшеклассников есть обеспеченные родители, а у хорошо устроенных выпускников собственные средства, позволяющие приобрести дорогой наряд, который не нужен в повседневной жизни. А учительница со скромной зарплатой, ей-то это зачем? Мне подобных вопросов уже давно не задают. Убеждён: хотя бы раз в пять лет (с этой периодичностью происходят юбилеи) она хочет, имеет право и обязана в роскошном платье войти в сверкающий огнями зал и почувствовать себя королевой. Сам процесс выбора туалета, обсуждения с коллегами и подругами коренного вопроса: в чём я там буду? — и есть начало праздника, а точнее — то предпраздничное состояние, которое украшает жизнь и позволяет мужественно переносить её неизбежные тяготы.

Замечательно, что коллеги из других школ и регионов, бывающие у нас на семинарах, отдавая дань методическому мастерству педагогов, неизменно отмечают: «У вас какие-то другие учителя... Ухоженные!».

Москва

